

Читайте остросюжетные романы
Елены Дорош
в серии «Вечерний детектив»:

Брошь с черным опалом
Портрет девочки в шляпе
Королевская лилия
Крест Шарлотты
Антикварная история
Пруд с золотыми рыбками
Слеза Евы
Забытый аромат
Семейная реликвия
Красное солнце валькирии
Французское наследство
Нить наяды
Царский подарок
Кипарисовый крест
Завеса зла
Рансодия Богемской
Роковой саквояж
Последний дар Элизы

Цикл «Сыщик Анна Чебнева»

Кукла Коломбины
Гребень Матильды
Танец Иды
Тетрадь князя Путятина

Е Л Е Н А
ДОРОШ

ЗАВЕСА ЗЛА

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д69

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *О. Фатиховой*

Дорош, Елена.

Д69 Завеса зла / Елена Дорош. — Москва : Эксмо, 2027. — 320 с.

ISBN 978-5-04-253803-2

Что происходит с врачом, когда у него на операционном столе умирает пациент? Любой, даже самый опытный специалист теряет опору и начинает сомневаться в себе. А если к тому же ушел муж, становится совсем невыносимо. Анастасия почти поверила, что во всем виновата сама, но, к счастью, рядом оказался человек, который так не думал...

Глеб Старостин — когда-то хороший следователь, а теперь частный сыщик. Помогая Насте понять, кому она так сильно мешает, он обнаружил, что преступники входят в круг ее самых близких людей. Но смогут ли Настя и Глеб прорвать завесу зла, которая мешает увидеть истину?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-253803-2

© Дорош Е., 2027
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2027

НАЧАЛО

Он ценил в себе по-настоящему только одно качество — умение ждать.

Качество ценное, особенно сейчас, когда никто никого не ждет и все, перефразируя классика, «и жить торопятся, и чувствовать спешат».

К умению ждать он и сам относился с иронией, иной раз называя себя «ждуном». К тому же в его случае это было даже не умение, а привычка.

Привычка, которая многим показалась бы глупой, ведь легко можно было не дожидаться, однако он знал твердо: *Quis scit expectare, magis expectabo*. Кто умеет ждать, дождется большего.

Особенно если знаешь, чего ждать.

Он передвинулся чуть левее и потряс занемевшей ногой. Ничего, потерпит.

Не для того он так долго готовился, чтобы обращать внимание на мелочи.

Лето в этом году выдалось совершенно нетипичное для Питера: тихое, ласковое и без привычных сумасшедших сюрпризов. Обычно погода ме-

нялась в течение суток раз пять, а тут что ни день, то солнце или легкая облачность и ни грамма дождя. Только легкий бриз с залива. Если закрыть глаза, легко представить себя где-нибудь в Палермо или Сорренто, настолько нынешнее лето пахло Средиземноморьем.

Когда муж ушел, Настя была уверена: еще день, два, и жизнь закончится. Сама по себе, безо всяких усилий с ее стороны.

Она легла и стала ждать, когда неизбежное случится и ее жуткие, нечеловеческие страдания наконец прекратятся.

Она знала, что от любви умирают, и не сомневалась — это ее удел.

Пока лежала, наконец выспалась, отдохнула и захотела есть.

В холодильнике нашлись молоко и яйца, а в буфете — старом, дедовом — засахаренное позапрошлогоднее земляничное варенье.

Она нажарила блинов и, съев две с половиной банки варенья, пришла к выводу, что никогда в жизни не было так вкусно.

Утром она отправилась на работу и успешно прооперировала миому матки, попутно радуясь, что не пришлось принимать роды. В этом деле необходимы позитивная энергетика и чистота помыслов, а у нее все наоборот. Резать — дело другое. Против такой дряни, как миома, ее состояние в самый раз.

Порадовавшись раз, она порадовалась и второй, когда, вернувшись в ординаторскую, получи-

ла сообщение от дочери. До студенческого лагеря на Дальнем Востоке Маша добралась без приключений, поселили ее с хорошими девчонками, а погода к их приезду наладилась настолько, что все тут же побежали купаться. И вообще, Владивосток — это круто!

Заразившись Машиными восторгами, Настя, наплевав на калории, с аппетитом съела плюшку с маком и отправилась на прием в поликлинику.

К ее приходу перед кабинетом уже скопилась приличная очередь, поэтому прием прошел нескучно. Только успевай!

Домой она притащилась едва живая от усталости, быстренько сварганила ужин, посмотрела новости, приняла душ и уснула как убитая в девять с четвертью.

Засыпая, мельком подумала, что с уходом Эдика в ее жизни ровным счетом ничего не поменялось. Что из этого следует, Настя додумать не успела, но заснула спокойно и без сновидений. Тоска, которую в народе принято называть «смертной», накатила, когда, проснувшись, она не обнаружила мужа рядом.

Стало так плохо, что она завывала тихонько и выла долго, пока не спохватилась, что сегодня у нее прием не после обеда, а с утра.

Во время приема выглядеть убитой горем нельзя. Напуганные своими проблемами женщины, глядевшие на угрюмую физиономию доктора, испугаются еще больше, а некоторые, особо нервные,

могут впасть в панику и этим усугубить болезненное состояние.

Уложив волосы и нацепив на лицо легкую приветливую улыбку, Настя потопала в женскую консультацию.

Видимо, принять довольный жизнью вид у нее получилось неплохо — идущие навстречу люди и пробежавшие мимо коллеги отвечали ей такими же улыбками.

— Здравствуйте, Анастасия Романовна! Хороший денек сегодня, правда?

Настя обернулась. Ниночка Сердюк смотрела на нее такими веселыми и голубыми глазами, что не улыбнуться в ответ было невозможно.

— Да, день прекрасный. Давай начинать.

Начали, как и вчера, дружно, и обе не заметили, как наступило время обеда.

О том, что без Эдика она не сможет ни жить, ни даже дышать, Настя вспомнила, уплетая гороховый суп. Настроение сразу ухнуло вниз, из глаз поползли слезы, и дыхание в самом деле сбилось.

— Анастасия Романовна, что с вами? Перец раскусили? — испугалась Ниночка.

— Ага, — кивнула, поморщившись, Настя и приказала себе успокоиться.

Рядом на стол со стуком опустился поднос.

— Девочки, я к вам.

У Насти губы сами собой разъехались в улыбке. Георгий Янович, старый друг, душа-человек и любимый коллега.

Ниночка поджала губки и ускорила процесс поглощения пищи. Она единственная из всех Горина не любила. Настя подозревала, что причиной неприязни было его резкое высказывание в ее адрес. Георгий Янович указал на промах в работе, и та не простила. Сам Горин об этом давно забыл, а Ниночка все не унималась и при случае говорила за его спиной гадости, не так чтоб серьезные или очень обидные, но злые. Настя не раз одергивала медсестру, поэтому при ней Ниночка злословить перестала, но не упускала случая хотя бы соорудить недовольную мордашку.

Быстренько допив компот, она пожелала всем приятного аппетита и выскочила из-за стола. Горин даже не заметил.

«Зря девочка старалась», — подумала Настя и посмотрела на старого врача с лукавым интересом.

— Вижу, вижу, Георгий Янович.

— Что же такое вы видите, любезная? — пряча улыбку, спросил Горин.

— Вчера снова засиделись за покером.

Кустистые брови Георгия Яновича взлетели к корням волос.

— Я? За покером? Да как вы могли подумать, милейшая Анастасия Романовна! В азартные игры? Да никогда!

— Нехорошо обманывать доверчивую девушку, — сложила губы скобочкой Настя. — Я же вижу: всю ноченьку не спамши.

— Так у меня сегодня операций нет, только прием, да и то после обеда. Прикорну у Пе-

тровича в каптерке и буду свеж, как цветок лотоса.

И Георгий Янович изобразил цветущий лотос.

Настя расхохоталась, чуть не подавившись чаем. Горин с невозмутимым видом постучал ее по спине.

— Что с вами, голубушка? Неужто не в то горло зашло? — елеиным голоском спросил он, поглядывая хитрым глазом.

— Да ну вас, Георгий Янович, — отдышавшись, махнула она рукой. — Вечно вы меня смешите в неподходящее время.

— Для хорошего настроения время всегда подходящее.

В столовую вбежала Ольга Кунцева и, встав на пороге, стала шарить по залу глазами. Каким-то шестым чувством Настя поняла, что подруга по ее душу, и помахала рукой.

— Какое счастье, что нашла тебя, — задышавшись, проговорила Ольга, подходя. — Выручи меня на завтра, Настюш. Просто кошмар с этим Кунцевым.

— Что опять? — сразу разволновалась Настя.

Муж Ольги сильно пил и постоянно попадал в больницу с разными диагнозами — от микроинфаркта до обострения язвы.

— Боюсь, что придется в больницу ложить.

При слове «ложить» с ударением на первом слове Горин уронил вилку и кряхтя полез поднимать.

— Сегодня уж как-нибудь допинаю, а завтра займусь им. Все равно не смогла бы работать — нервы ни к черту. Сможешь, Настюш?

— Конечно, Оль. А что у тебя?

— Аборты только. Приема нет. Ты уж прости, Настюш, но сама понимаешь...

— Оль, не волнуйся. Заменю.

— Я заявление не писала, но заведомо предупредила. Если главный хватится, позвонишь.

Горин, уже поднявший вилку, услышав, как Ольга произносит слово «позвонишь», делая ударение на второй слог, уронил ее снова, беззвучно чертыхнулся и поднимать не стал.

— Ну, я побежала тогда. Чмоки.

Ольга радостно унеслась восвояси.

— Как вы это выносите, Анастасия Романовна? Это же как зубная боль.

— У каждого свои недостатки, Георгий Янович. Некоторые, например, страдают зависимостью от азартных игр.

— Да уж лучше зависимость, чем это «ложить».

— Не замечала, что вы такой сноб.

— Сноб? По-вашему, это снобизм? А по-моему, адекватная реакция нормального человека. Она же врач. Институт окончила.

— Ну и что? — продолжала защищать подругу Настя. — Привыкла с детства так говорить и не замечает.

— Так вы ей скажите! А то я возьму и сам скажу!

Улыбнувшись, Настя тихонько погладила Горина по рукаву халата.

— Ничего я говорить не стану. И вы тоже. Мы же оба это знаем, не так ли?

— Насчет себя не уверен.

— Уверены, Георгий Янович, уверены. Вы же интеллигент в десятом поколении. Вам потом стыдно будет.

Ее воркующий голосок всегда действовал на Горина успокаивающе. Настя это знала, но на всякий случай добавила к нему умильное заглядывание в глаза.

— Ладно, простите, что погорячился, — сдал назад подборник чистоты русского языка и легонько пожал Настины пальцы.

— У вас самой все в порядке? Никто не болеет?

— Никто. Все абсолютно здоровы, — ответила Настя, чувствуя, как тоска снова сжала сердце.

На работе в тот день задержаться не удалось, — жаль, было бы легче, — и в свою пустую квартиру она притащилась в шесть вечера. Будь Эдик дома, удивился бы. Такое случалось нечасто. Однако теперь удивляться и радоваться ее раннему приходу было некому.

Почему-то Насте казалось, что, оказавшись одна в пустой квартире, она снова начнет выть от горя. Но, переодевшись в домашнее, она вспомнила, что давно хотела постирать шторы и вымыть холодильник.

— Да ты грязью заросла! — грозно сказала Настя самой себе и пошла набирать в ведро воды.

Сказано — сделано. Пока трудилась над чистотой квартиры, не заметила, как наступила ночь, и проблема с переживаниями разрешилась сама собой.

Как говорится, она планировала пострадать, но было некогда.

Настя еле добралась до кровати и уснула через минуту. Успела лишь мысленно пожелать спокойной ночи Маше.

СТРАННЫЙ ТИП

У него было достаточно времени, поэтому можно позволить себе полюбоваться луной. Он любил разглядывать ее, особенно в полнолуние. День простоял солнечный и безветренный, поэтому даже ночной бриз не пригнал ни одной тучи. Луна была так близко, что даже невооруженным глазом можно в подробностях разглядеть все изгибы лунного ландшафта.

Наконец ему надоело романтическое «ничего неделание», и он еще раз проверил то, что называл экипировкой. Все было на месте и как всегда под рукой, чтобы воспользоваться в нужный момент.

Этот момент наступил около трех ночи, в тот короткий промежуток, когда становилось по-настоящему темно, а луна не столько освещала, сколько придавала пейзажу сюрреалистический вид. Именно такая декорация казалась ему наиболее подходящей для того, что он собирался сделать. Для красивого и трагического акта свершения — про себя он называл это событие только так.

Объект, который он наметил для участия в акте, появился с той стороны и в тот момент, который он просчитал.

Дальнейшее произошло точно по сценарию. Объект повел себя именно так, как он предполагал: трепыхался, сучил ногами, но утомонился довольно быстро и дал ему все, что нужно.

Через час он был уже в своей «берлоге». Называл свою квартиру в многоэтажке «берлогой» просто потому, что это казалось ему созвучным той жизни, которую он вел.

Спала Настя крепко, без сновидений, чему наутро была удивлена.

Все в квартире напоминало о муже, каждая мелочь была связана с ним, а больше всего ранило то, что Эдик, уходя, не забрал из дома вещи. Как будто ему теперь было не нужно все, что связывало с прежней жизнью.

Как и она сама.

Эта пришедшая поутру мысль чуть было не заставила Настю упасть духом, но она посмотрела на часы и поняла: если не поторопится, может опоздать.

Обычно оперирующие хирурги приходят не позже половины восьмого, поэтому о страданиях необходимо хотя бы на время забыть.

Пострадает вечером, когда вернется домой.

Однако страдать пришлось совершенно по другому поводу.

Во время обычной операции по прерыванию беременности умерла молодая женщина.

Умерла от обильного кровотечения, которое не смогли остановить.

Умерла прямо на операционном столе.

Через два часа после происшествия Настя уже знала, что обвиняют в случившемся ее.

Из кабинета главного врача она вышла отстраненной от работы до окончания служебного расследования.

Некоторое время Настя просто сидела у окна в коридоре, безлюдном в этот час, тупо глядя на веселенькие июньские березки за окном.

И что теперь делать?

Она настолько отвыкла возвращаться домой посреди рабочего дня, что решила туда не ходить.

А куда? Шататься по Питеру? Можно, конечно, но вряд ли поможет. На ходу тяжелые думы завладеют ее сознанием настолько, что потом не отвяжешься.

В кафе зайти? Глядеть на мамаш с детками, поглощающих молочные коктейли, и студентов, прогуливающих занятия за картошкой фри и бургерами с сыром и почему-то с курицей?

Ну а куда?

Она прошла пару кварталов по Загородному проспекту и вдруг увидела вывеску — «Полный бокальчик». Название показалось ей смешным, и, подумав мгновение, Настя смело спустилась по крутым ступенькам.

В заведении, несмотря на неподходящий для возлияний час, было полно народу. Точнее — мужиков. В полутьме всех не разглядеть, но не менее пятнадцати.

Смелость ее испарилась в мгновение ока, но ретироваться было как-то неловко, к тому же на нее никто из присутствующих не обратил внимания, поэтому Настя подошла к стойке и заказала сухой martini. Она не слишком любила этот напиток, но он показался ей подходящим для заведения. Тут, наверное, все пьют martini или виски с содовой.

Ничем не показав удивления, бармен налил и поинтересовался, добавлять ли лед и будет ли она чем-нибудь закусывать вермут.

Настя не была уверена даже в martini, а уж закусывать... Вряд ли в горло что-то полезет.

— Палочки морковные есть? — наудачу спросила она.

Бармен посмотрел на нее оценивающе.

— Лучше сок возьмите. Вермут в миксах — классика жанра. Не так пьянеешь. Рекомендую апельсиновый.

— Не надо ни сока, ни льда. Дайте чистый.

Бармен поставил перед ней «martинку» с оливкой на шпажке.

Как ни странно, вермут зашел на ура. Настя заказала еще и почувствовала, что жизнь начинает налаживаться.

После третьей порции разыгрался нешуточный аппетит, и Настя попросила поесть. Через пару минут перед ней стояла тарелка тостов с пастой из авокадо и канапе с овощами.

— А мясо есть? — с сомнением глядя на крошечные канапе и тосты, поинтересовалась Настя.

— Конечно. Это для разгона просто. Сейчас на кухне скажу, чтоб приготовили.

Настя собралась было допить остатки, но тут рядом с ней на высокий стул приземлился кто-то, мерзко пахнувший перегаром.

Скосив глаза, Настя увидела небритую щеку и длинные, как у музыканта, пальцы, которыми мужик ее подпирал.

— Чего пьешь? — заглянув в ее бокал, спросил мужик и поморщился. — Гадость какая.

Повернувшись, Настя — как ей показалось — смело и с прищуром взглянула на непрошеного собеседника.

Лет на пять-шесть моложе ее. Тридцать с хвостиком примерно. На опустившегося алкоголика не похож, скорее на загулявшего не ко времени раздолбая. Одежда довольно приличная, хотя кто сейчас разберет: все без разбору носят джинсы и футболки.

Раздолбай тем временем отлепил руку от лица и окинул ее пьяным взглядом с претензией на пронищательность. Видимо, то, что увидел, ему понравилось — знакомство он решил продолжить.

— Тебя как зовут?

Ответить или послать на три буквы?

— Анастасия Романовна, — сказала Настя, сразу решив прочертить между ними красную линию шириной с Босфор.

— Ну и чего мы тут?

— Где?

Мужик неопределенно повел рукой, с удивлением посмотрел вокруг и снова уставился на нее.

— Как ты сказала, тебя зовут? Вероника Степановна?

— Анастасия Романовна.

— Надо же. Почти угадал. Меня, кстати, Артур. А фамилия... А фамилия моя тебе зачем?

— Ни за чем, — согласилась Настя и оглянулась в поисках путей отступления.

Как назло, выход загораживала группа мужиков, собирающихся, видимо, на улицу покурить.

— Деру хочешь дать? — догадался собеседник.

Надо же, пьяный, а соображает.

— Честно говоря, хочу, — решила не церемониться Настя.

— Понимаю, — мотнул головой собеседник, — но одну я тебя отпустить не могу.

Настя вдруг разозлилась.

— Это с какой же стати?

— Ты не смотри, что тут все смирные. Они же все срисовали: и сережки с бриллиантиками, и сумочку. А в ней наверняка денежки водятся и мобила дорогая.

Настя насторожилась.

Сережки в самом деле были с бриллиантами, но маленькие, к тому же пусеты, которые в народе называют «гвоздиками» — не с желтым, а белым золотом, которое со стороны вполне сходило за серебро. К тому же их практически не было видно из-за волос.

Как он сумел разглядеть? А про сумку? Та вообще стоит на полу у ног!

Если бы все это она услышала вчера, умерла бы со страху. Но сегодня ее жизнь стала другой.

С минуту Настя молча смотрела на своего собеседника, — он на нее не глядел, цедил свое виски, — а потом спросила:

— Ты маньяк, а я твоя жертва?

Вернувшийся бармен оценил диспозицию и предложил гостям перейти за столик. Официант готов принести горячее.

Ее собеседник встрепенулся, встал, чуть не свалившись со стула, и потащил Настю за собой.

— Горячее? То, что нужно. Поделишься?

— Рехнулся? — сопротивляясь натиску, прошипела Настя, потому что громко возмутиться не решилась.

— Да чего ты! Я есть хочу, — заталкивая ее за столик, громко заявил новый знакомый.

Ответить она не успела. Официант поставил перед ней дымящийся кусок мяса с аппетитной горкой жареной картошки.

— Принесите еще тарелку и вилку, — схватив официанта за рукав, потребовал ее мучитель.

— Я не собираюсь с тобой делиться, — процедила Настя, пододвигая тарелку к себе.

— Конечно, собираешься. Или ты жадина?

— Не сомневайся, — заявила Настя, плотоядно впиваясь в кусок мяса.

Зачем она затеяла с пьяным обормотом эту игру, Настя понимала не очень четко, но неожиданно ей стало любопытно, чем все закончится.